ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Раскрепощение молодежи должно
быть делом самой молодежи!

1 ЯНВАРЯ 1919 г.

№ 16.

Цена в Москве 4 р. — к.
вне Москвы 4 р. 50 к.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам
от 5 — 7 часов вечера.
КОНТОРА открыта по втор. и четв. от 5—7 час. веч.

С НОВЫМ ГОДОМ!

ЭЛЕГИЯ. А. Дрекслер.

Жизнь и Творчество Русской Молодежи.

Новому Году.

Новый год. В самом ли деле, ты—новый год? Какой же новый ты, и вообще кто ты, если можно, не считаясь с тобой, переносить и откладывать тебя. Будь ты действительно нов, то не по нашему, а по своему желанию пришел бы в мир, ибо все молодое не спрашивает, а является. Оно дерзает, ибо сильно и не видит препятствий.

А ты приходишь по нашей указке и, следовательно, стар. Тогда на что ты нам? Стариков и без тебя много. Это из-за них, из-за рутины, из-за ветоши жизнь так скверна. Они со своими привычками, со своим укладом стесняют молодежь, не дают простора вольной душе, строя рамки и границы для нее. Ей на помощь идут свежие, крепкие и, главное, молодые силы, а не ты. И потому, старик, ты не нужен.

Новый год наш будет тогда, когда за нами будет победа, когда жизнь новую сотворим мы, когда истинные, а не твои любовь и счастье протянут нам руки. Тогда и для нас он будет желанным и мы его чествовать будем. А пока ты стар, пока мы еще боремся,—не приходи, не отвлекай и не смущай!

Кто же все-таки ты? Ты—старик, но, быть может, ты приносишь новое, новые мысли, новые идеи? Если так, отчасти ты приемлем для нас, но помни: ты—для нас, а не мы—для тебя, и только отчасти!

Ты—великий обманщик, тысячелетний, опытный обманщик. Обманщик и лгун. Дряблость украшаешь ты новым одеянием, подкрашиваешь, подрумяниваешь и выдаешь за новое. Запах старья ты уничтожаешь духами молодости и добиваешься своего.

Времена изменились. Наши отцы верили тебе, как верили и во все. Но мы—не те. Мы верим только себе, только на себя полагаемся и, прежде чем принять от тебя что-либо, осмотрим его, не с из'янами ли оно: не использованное ли уже и отброшенное? Ты нас не проведешь более, хотя и приложишь к тому все усилия.

Красивыми словами ты постараешься окрутить нас, запутать, затуманить наши головы и, одурманенных, заставить нас безропотно терпеть все твои триста шестьдесят пять дней. Целый год обманывать ты нас будешь, чтобы удержать свое господство, а тридцать первого декабря ты снова введешь нас в заблуждение,

Проект Мемориальной доски на Красн. площ. в Москве в память павшим борцам за свободу.
См. С. Мезенцева.

снова явишься новым годом и возобновишь все сначала.

Но нам это прискучило и мы бросаем тебе вызов.

Ты хочешь надсмеяться над нами, обратить в ничто наши мечты, уничтожить наши стремления и направить нашу мысль по старой дороге рабского подчинения. Да, если бы мы не были молоды, мы повиновались бы тебе, но счастье наше, что мы юны, и, как юность к старости, питаем недоверие к тебе. Нам нетрудно разобрать твои истинные намерения. Наши души чисты, наши сердца свежи и нетронуты и мимо нас не пройдет неправда.

Ты—враг, но враг неопасный. Орудие твое—ложь, а лжи мы не боимся: она нам не страшна, ибо мы светлы, а к светлому не прикоснется ложь.

Мы разоблачим тебя, как разоблачили многих твоих спутников, живших тем же, чем и ты. Религию и Бога мы отбросили в кучу мусора, туда же попадешь и ты, и там твое будет место.

Твои слова—обман, и обман этот мы раскрыли. Он понятен, как понятны и причины его. Ты боишься нас, ты боишься молодежи. Ты дрожишь и трясешься при ее приближении. Ты роешь, защищаясь от нее, волчьи ямы и окопы и не постигаешь убожества их. Ты отравляешь слово и ошеломляешь им. Оно останавливает нас, мы чтим его; но берегись,—уже разбираем мы, что отрава в нем, что не истинно оно, а скоро наступит и то время, когда мы перешагнем через него, и достигнув тебя, сокрушим старого совратителя.

Тысячу девятьсот восемнадцать раз обманывал ты всех. Тысячу девятьсот восемнадцать раз приходил ты к нам блестящий, со сверкающими огненными словами и увлекал нас на ложный путь. Ты являлся в полночь, пользовался темнотою. В ней скрывал ты свои недостатки; темнота покрывала тебя.

Мы верили тебе раньше, верили по привычке, верили по тупости своей. Жизнь нам показала—кто ты, открыла глаза наши и отныне мы будем верить лишь в себя, лишь в свои силы, а тебя отбросим, как отбрасывают старый ненужный хлам. Отбросим без жалости, отбросим без сожаления.

И в довершение—мы отомстим. И уже отомстили. Не ты нас, а мы тебя будем дурачить. И уже одурачили. Ты, старикашка, спящий триста шестьдесят четыре дня бытия своего, проспал, как укоротили тебя на две недели, на две недели раньше пришел ты. А ты, слепец, и не заметил этого.

Это—месть. Мы великодушны и наша месть—пустяк в сравнении со злом, причиненным тобою. Но мы добры, мы—победители. Зачем же быть жестокими?

А все же мы устроим торжество, будем веселиться. Не возгордись. Торжествовать не в твою честь и веселиться не с тобою. Устроим праздник—мы хотим свободы. Будни—наша жизнь и от этих будней уходим мы. Захотим веселиться в твой день, захотим первого апреля, захотим первого мая, захотим каждый день веселиться и смеяться над тобою, над твоим бессилием будем. Мы вознесем себя, вознесем свои силы. А ты, ты будешь злиться, злобно шептаться со старухами и яростно смотреть на нас.

Мы же заметим тебя только тогда, когда ты рассыплешься со злости, и ветерок с прахом твоим пронесется мимо нас.

Мы—не твои! Ты—не наш!
Проходи!

М. Т.

ОРГАНИЗАЦИЯ АНАРХИСТСКИХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ.

Характерным явлением текущих дней является то обстоятельство, что среди движений и об'единений молодежи всех видов и направлений незаметным оставалось одно движение—движение анархическо-мыслящей молодежи; такое явление лиц, не интересующихся анархическим движением, навело бы на мысль, что молодежь вовсе не причастна к таковому движению, но это предположение было бы глубоко ошибочно.

В самом деле, проникая глубже в ряды рабочей и учащейся молодежи, легко можно убедиться, что среди молодого поколения много убежденных анархистов и масса сочувствующих анархизму; разница лишь в том, что эти лица не об'единены между собой, а если и об'единены, то о существовании таковых об'единений неизвестно, ибо они не дают о себе никаких сведений.

Вопросом момента для анархистской молодежи является вопрос об'единения, и этому вопросу необходимо уделить самое серьезное внимание, так как от удачного построения организаций в значительной степени зависит успех анар-

хического движения. Большая часть зол, угнетающих в наши дни человечество, зависит почти исключительно от несовершенства общественной организации, и молодежь, зная и желая устранить это зло, должна начертать на своем знамени:

1) **Никакая власть не способна построить мир на началах Свободы, Равенства и Братства;**

2) **Освобождение трудящихся должно быть делом рук самих трудящихся;**

3) **Раскрепощение молодежи должно быть делом самой молодежи;**

4) **Все принадлежит всем;**

5) **От каждого по его способностям и каждому по его потребностям.**

Не приняв этих пяти положений, молодежь не сможет выйти на светлый путь,—путь к Свободе.

Человечество существованием двух враждебных лагерей обязано исключительно **капиталу и власти**, вследствие которых одни обречены трудиться и быть рабами, а другие—эксплуатировать и управлять. Давно идет борьба между этими лагерями и будет еще долго продолжаться она, пока ненавидящие рабство не поймут единство своих интересов и не разрушат путем социальной революции существующий капиталистический и государственно-церковный строй общества.

Перед поколением XX века стоит вопрос окончательного свержения ненавистного ига капитала, церкви и власти, успешность свержения какового в значительной степени будет зависеть от удачного построения организаций молодежи и успешности распространения идей анархизма.

Организация анархически-мыслящей молодежи должна иметь своей главной и основной целью идейную анархическую работу среди молодежи и трудящихся масс, а также работу по воплощению анархизма в жизнь, а равно и самообразование входящих в организацию членов.

В состав группы может входить каждое лицо, знакомое с анархическим учением и разделяющее его основные положения. Сочувствующие анархизму организуются в **группы сочувствующих** и по ознакомлении с анархическим учением, по рекомендации членов групп, могут быть принимаемы в состав анархистских организаций молодежи.

Местные организации анархистов-единомышленников носят название—**группа**; группы об'единяются в волостные, уездные, районные и городские **ассоциации**; последние, в свою очередь, об'единяются в губернские и областные **аггрегации**; аггрегации же составляют **Всероссийскую Федерацию Анархистских Ассоциаций Молодежи.**

Каждая группа на общем собрании выделяет из своей среды одного или несколько секретарей, которые составляют **Секретариат** группы. Секретариат заботится о снабжении группы литературой, агитаторами, пропагандистами и лекторами и ведет все дела группы.

Для успешной работы по саморазвитию и самообразованию работа группы разбивается на **секции**: литературную, театрально-музыкальную, эсперантскую, спортивную, художественную, научную, секцию по изучению искусств, философии и т. д. Чтобы члены группы были более тесно спаяны между собой, необходимо чаще созывать общие собрания членов всех секций.

Работы секций, устройство митингов, диспутов, лекций, репетиций, вечеров и т. д. должны вестись в своих клубах. Клубы будут местом обмена мыслями, местом работы и отдыха; в них молодежь почерпнет любовь к общественной жизни, в них же сродятся девицы и юноши и поймут общность своих интересов и будут вместе сражаться за идеалы светлого строя. Клубы должны быть открыты ежедневно; при них должны быть библиотеки-читальни.

Как рабочая, так и крестьянская, интеллигентская и учащаяся молодежь, не взирая на свои различные области работы, должны работать вместе; спаянные с молодости одной общей каждому целью, они в будущем тем скорее свергнут рабский строй.

Так должны быть организованы группы, секции и клубы. Для более широкого об'единения образуются ассоциации, в которые делегируются группами свои члены; эти последние и составляют Совет Ассоциации, который обсуждает все вопросы, касающиеся анархистского движения города или района. Постановления Совета проводятся в жизнь Секретариатом Ассоциации.

Секретариат Всероссийской Федерации выделяется на С'езде анархистских организаций молодежи и сохраняет свои права до следующего С'езда.

Группы, ассоциации и аггрегации входят в состав Федерации на началах полной автономности.

В круг дел Секретариата Федерации должно входить: распределение активных работников по организациям, издание печатного органа, постановка книгоиздательства, организация пропагандистских школ, сношения с анархистскими организациями молодежи других стран, техническая сторона созыва С'ездов и др.

Касаясь **дисциплины**, необходимо заметить, что товарищи, вступающие в организацию, должны своим долгом считать проведение в жизнь принципов и задач организации; для этой цели члены групп могут заключать соответствующие письменные договоры, которые могут быть изменяемы и разрываемы с согласия общего собрания; взятые членом группы поручения должны быть выполняемы; выступления от имени групп должны быть обсуждаемы на общем собрании, а выступающие от их имени должны иметь на то согласие последних. По выполнении возложенных поручений, каждый товарищ делает группе соответствующий доклад.

Средства групп, помимо пожертвований, составляются из добровольных взносов каждого по силам; допускаются в члены и лица, которые по своему материальному положению не могут внести и небольшого взноса.

Часть этих средств поступает на пропаганду, часть на устройство клубов, библиотеки и издание печатного органа, а другая часть на помощь больным и пострадавшим товарищам и т. д.

Долг каждого члена: 1) неустанная пропаганда идей анархизма по мере сил и способностей каждого, 2) в частной и общественной жизни держать себя, по возможности сообразно идеалам анархизма, 3) присутствуя на всех собраниях группы, необходимо высказывать свое мнение, и 4) предоставлять свои силы группе.

Каждый член группы должен также заботиться о распространении анархических газет, журналов, брошюр, книг, агитационных листков и т. д.

Дабы деятельность групп и ассоциаций была всегда одинакова и одновременна необходимо установить связь между ними или посредством устройства собраний, или же при помощи **Бюро корреспонденций**.

Так как группы и ассоциации основаны на абсолютной автономии личности, то каждый член таковых организаций сохраняет полное и беспрекословное право выхода в случае своего желания из их состава; участие по всем вопросам в голосовании принимают лишь те, которые желают действовать коллективно, при расхождении мнений большинство выносит одну резолюцию, меньшинство—другую.

Связывающим звеном между членами групп служит **письменный договор**, в котором ясно указываются цели об'единения и характер деятельности последнего.

Таково в общих чертах должно быть построение организаций молодежи в данный момент, в этом вопросе безусловно необходимо предоставить широкую инициативу каждому члену и лишь после обмена мнений приступать к созданию той организации, каковая желательна.

Н. Марнов.

Союз поэтов.

То не вороны слетались
На кровавый в поле пир,
То поэты собирались
Удивить собою мир.

Поклялись они все хором—
Его светочами быть,
И решили приговором
Миру новый путь открыть.

Как ему ходить и ездить,
Что творить, что есть и пить,
Где детей учить и гнездить,
Как учить и как любить.

Свою клятву на бумаге
Закрепили все в союз;
С той поры под ихним флагом
К ним слетают сотни муз.

С той поры союз поэтов
Стал источником тепла,
Любви, истины и света
И судилищем для зла.

То не вороны слетались
На кровавый в поле пир,
То поэты собирались
Удивить собою мир.

А. Ануфриев-Радин.

ЧЕЛОВЕК.

поэма.

О, святая мечта о земном блаженстве!
О, волнующий душу призыв в тот край,
где грядет в лучах—ЧЕЛОВЕК,—в совер
шенстве
все постигший, все понявший, уяснивший,
неустанным трудом своих рук превративший
землю в небесный рай...

О, мечта о тебе, Человек-Зиждитель,
властелин необ'ятных равнин и гор,
над которыми звездных небес шатер
так высок, беспредельный. . . . . .
. . . . . Ты!—
чьим трудом превратится земля в обитель
всех познаний, любви, красоты,—
кто, как факел, пылая в немую ночь,
отражает крылатый мрак—
кто, на битву сзывая, трубит во всю
мочь,
и, как в бурную ночь,
маяк,—
— один,—
бросает свои лучи
— в глухую черную мглу,
— где бьют о его скалу
— холодные трупы льдин...
— один!
— навсегда один!— . . .
. . . . . .
. . . . . .

Мечта о Тебе, чудный призрак, в космиче-
ских безднах
над мраком витающий, светлый и стран-
ный,—живет.
Кровавые войны, в тяжелых доспехах же-
лезных,
века инквизиций и мрачных властителей
гнет,—
и рабство, и распри враждебных двух другу
пророков,
повальное зверство, невежество целых племен,
и язвы ужасных, бичующих душу пороков,—
все это пройдет. Как недобрый развеется
сон.
Угрюмые тучи уйдут... Навсегда... И, бледнея,
рассеются в бездне текущих веков без следа;
но вечно пылающий дивный огонь Прометея
по прежнему будет над мраком сиять, как
звезда...

. . . . . .

Мечта о Тебе, ЧЕЛОВЕК,
Человечности светлой носитель!
Бог!
Господин!
Властитель!...
Не только морей и рек,
не только дорог,
долин,
гигантских и стройных машин...
но СЕБЯ САМОГО!...
Обширен,
как небо, круг власти твоей...
Совершенство Земли—это Ты...
И не нужно нам храмов, кумирен,
неизвестным богам алтарей—
ни жрецов, ни царей—
НИЧЕГО!
Ибо: Бог на земле—это Ты.
И Ты—Его Храм.
И Жрец в этом храме—Ты Сам.
Только Ты!
Только—Ты...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

В себе воплотивший весь мир,
Ты будешь сиять, возвышаясь,
рядами незримых ступеней,
все высших во всем достижений,
к познанью ВСЕГО подымаясь,
как Небо, об'емля весь мир...

Не все ли равно нам: дойдем
в тебе мы до грани предельной,
иль в вечном горенья своем
ее никогда не достигнем.
Мы—Звездное Небо поем,
и Вечности, с ним нераздельной,
— великой Судьбе,—
и ТЕБЕ—
в сердцах своих храмы воздвигнем...

Анатолий Глебов.

АНАРХ.

(Фантазия).

Мир был разрушен. На обломки
культуры немощной, слепой,
былых рабов глядят потомки
бессильной, жалкою толпой.
Рассадники вражды и муки,
разврата, рабского труда,
творцы чахоточной науки—
лишь пеплом стали города.
Разнесены до основанья
музеи, храмы и дворцы,
и только смутные преданья
сынам передадут отцы.
Преданья о былом позоре,
о мире в смраде и пыли
и гордый ум зажгут во взоре
детей вновь созданной земли...
Мир был разрушен. В час кончины,
когда пылал весь шар земной
и пламя черные руины
смело огненной волной,
встал Он из недр земель могучих,
поднялся из глубин морей
и громом загремел на кручах
и воплем огненных зверей.
И нарастающим прибоем
над всей землей, до черных туч
то воплем бить, то бури воем
звучал—незыблем и могуч.
И, сбившись жалкою толпою,
крича, расширив в страхе взор,
смотрели люди, как стопою
он попирал вершины гор.
Он говорил и с бурной силой
гремел, как труб победных зов;
Он называл весь мир могилой,
их—сбродом воющих рабов.
Он звал к великой, новой жизни,
где дух свободен, как орел,
он призывал их к светлой тризне
над гробом прежних, давних зол.
Он обещал людскому роду,
в раскатах грома своего,
величье, братство и свободу—
они не поняли его....
И он, поняв, что все напрасно,
что по уродству душ своих,
мертвы они—легко, бесстрастно,
бездумно уничтожал их....

. . . . . .

И в красном пламени пожаров
возрос могучий, новый род,
свободный от былых кошмаров,
с девизом пламенным: Вперед!

Л. Суб—ий.

Легенда о русском человеке.

(Посвящается тов. Ленину).

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
Захотел он вдруг построить
Стозатажный дом большой.

Его замысел широкий
Не понравился другим,
Ну а рыцарь дальнооокий
Не сидел долго над ним.

Захотел и начал строить,
Пригласил рабочих тьму;
Вскоре дело закипело
Непонятное уму.

А когда идейный рыцарь
Начал крышу покрывать,
То тогда и все другие
Его стали понимать.

В своем доме он устроил
Все удобства для квартир;
И богатству его дома
Удивился целый мир.

Его дом дворцом стал света,
И богатства, и тепла;
В его доме для живущих
Жизнь, как праздник потекла.

Потому что в его доме
Поклялись все, как один,
Что для них отныне будет
Труд их жизни господин.

Так построил рыцарь славный
Новый дом и написал
На дому своем: Всемирный
Интернационал.

А. Ануфриев-Радин.

Какую бы долю тебе ни назначил твой рок,
ты будешь в ней счастлив, и будет твой
жребий глубок.
Аттилой ли грозным пройдешь по путям
мировым,
и страшная слава тебя увенчает живым,
иль пахарем бедным, безвестно трудясь на
полях,
отлив свои песни, с полями смешаешь свой
прах,—
не равно ли сладка, не равно ли будет
чиста
о фениксе Жизни твоя золотая мечта.
Вселенная вся, от цветущей земли до небес,
исполнена тайны, исполнена дивных чудес,
и ты, возлюбив эту тайну всей силой любви,
прими ее в душу и Богом своим назови.
Пускай от любви безграничной душа осветет—
тогда—никакое несчастье к тебе не придет.

А. Глебов.

На закате.

В зареве закатном тонут сосны, ели.
Тонут, багрянятся в золотых волнах.
Лукo засверкали, нежно зазвели
Брызги золотые на седых стволах;
Были так унылы, мрачны, молчаливы,
Над загадкой вечной хмуря темный взор.
Но свернули искры, брызги, переливы—
Весь преобразился молчаливый бор!
Весь преобразился, взоры просветлели,
Устремлены кротко к вечным небесам...
Но лучи заката тихо догорели,
Отпустив природу к безмятежным снам.

Е. Горлова.

Юноши и дети.

(Летние эскизы из альбома 1916 г.).

А. Глебова.

I.

„Гоц приехал!.. Гоц приехал!.. — закричали вдруг детские голоса где-то там, на грядках клубники, у околицы.

Алочка, миловидная, хрупкая девушка, с темно-русыми волосами и в белом платье, сидевшая на берегу реки, в тени прибрежных кустов, вздрогнула и оторвалась от книги. Прислушиваясь глядела она в просветы листвы боярышника, который тянулся густыми порослями над самой рекою, и защищал ее от непрошенных взоров. Ей показалось будто что-то белое мелькает между темными листьями. Глаза Алочки загорелись любопытством и волнением. Она слегка покраснела, и, видно, рассердилась на себя за то, что приезд „какого-то мальчишки“—ей то уже, слава Богу, девятнадцатый год!—заставил ее сердце биться сильнее, чем ей хочется. Заложила недочитанную страницу сорванной былинкой и положила книгу на траву, а сама начала поправлять растрепавшиеся под легким газовым шарфом волосы...

Вдруг неожиданно раздался в кустах сильный шум и треск. Кто-то продирался напрямик через боярышник и ломал его без всякого сожаления... Неужели Гоц? Какое мальчишество!.. Алочка хотела вскочить, но осталась на месте и только испуганно глядела навстречу приближающемуся... Горячая волна крови залила ее щеки. Вдруг из кустов вынырнула сначала голова, а затем, тотчас же, платье ее младшей девятилетней сестры, и вся эта масса бросилась ей на шею и обвила ее руками, смеясь и лепеча что-то, чего никак нельзя было разобрать.—„Алочка!.. Алоночек!.. Мы были у околицы, а он... Представь себе...“— Девочка совсем закраснелась от быстрого бега и волнения, а коротенькая косичка ее растрепалась в кустах и, освещенная лучем полдневного солнца, казалась спутанным облаком золотых нитей...

— „Что с тобой, Надька?.. Примчалась точно угорелая. Ну, что случилось? Видишь я читаю. Не мешай мне пожалуйста“, — говорила Алочка, стараясь придать своему голосу как можно больше спокойствия и серьезности, и освобождаясь от пылких об'ятий, а сама между тем украдкой посматривала на смущенное, радостное личико хорошенькой сестренки и еле удерживалась, чтобы не рассмеяться. Она знала, что и Надя и все ее девятилетние сверстницы, бывавшие у них, влюблены в красивого, почти как они, застенчивого Гоца, и писали ему восторженные анонимные записки, вроде: „Душка Гоц. Ах, какой вы красивый!!.“,—которые Гоц, равнодушный ко всему, кроме одной Алочки, показывал ей, бесплодно стараясь снискать ее взаимность.

— Гоц? Ну что-ж такого?—произнесла Алочка спокойно и, однако, с маленькой, чуть заметной дрожью в голосе. Девочка, впрочем, не уловила этой дрожи. Она широко, наивно посмотрела на сестру и удивленно спросила ее:

— Ну как же, что? Ты же знаешь, что он...—и она остановилась, краснея и стыдясь сказать, что Гоц любит Алочку.

— Что „он?“

Родительские комитеты упразднены. Управление переходит в руки самих учащихся.

Папаша, мамаша и педагог на могиле родительского комитета.

Рис. П. Голованова.

Девочка совсем смутилась.

— Гоц для меня ничуть не больше всякого простого смертного. Ничуть,— сказала Алочка и нижняя губка ее презрительно выпятилась.—Он один приехал,—спросила она через минуту молчания.

— Да, на велосипеде... И хочет сегодня же вечером уехать. Алочка, милая, душечка, цветочек! Уговори его остаться еще. Уговори!.. Хорошо? Скажи, хорошо?

— Хорошо, хорошо... если тебе хочется. Отпусти только... Что за глупая привычка—все время лезть целоваться. Скажи лучше: где он сейчас?

— Они все пошли купаться. Туда, к запруде.

Алочка замолчала, размышляя заранее: какое платье лучше одеть к обе[illegible] Потом встала, стряхнула с примявше[illegible] юбки приставшие кусочки земли и [illegible] линки, и покинула свой укромный „[illegible] дуар“, где с трех сторон окружали [illegible] густые заросли боярышника, а пря[illegible] текла небольшая, но глубокая реч[illegible] покрытая у берега крупными цвета[illegible] и плавающими листьями желтых [illegible] шинок...

II.

Безоблачный день клонился к зака[illegible] Все было тихо и мирно, как только [illegible] жет быть в это время в маленькой уед[illegible] ненной деревушке. В некоторых изб[illegible] уже начали топить, и дым легкими, [illegible] ними струйками поднимался пря[illegible] кверху. Без движения дремала листв[illegible] По небу, все ширясь, расплывалось [illegible] катное зарево и отражалось оно, [illegible] в зеркальном стекле в тихих водах [illegible] подвижной реки. Налево, где реч[illegible] делает крутой изгиб, в глубине зали[illegible] стояла на привязанном к берегу плоту босоногая баба, с подоткнутыми до [illegible] лен юбками и полоскала белье; и отра[illegible] жение ее, танцуя в поднятой на вод[illegible] толчее, уродливо преломлялось в расхо[illegible] дившихся от плота по всей речке кру[illegible] гах. Только этот звук выкручиваемого белья да чмоканье воды под плотом [illegible] нарушали всеобщую тишину...

— Правда, хорошо?—сказала Алочка, глядя на реку, на поля желтеющей ржи и голубую, туманную полосу далекого леса,—все озаренное красным вечерним солнцем.

— Да, очень хорошо... Хороший воздух...—как-то неловко ответил Гоц. Он чувствовал себя не в своей тарелке, потому что приехал со специальной целью об'ясниться Алочке в любви, а это никак не удавалось. Алочка, такая изящная и миловидная в своем матросском костюме, казалась ему страшно гордой и неприступной. Гоц искоса посматривал на нее и не знал, как приступиться, тем более, что это был его первый опыт. Они стояли на самом краю высокого, нагорного берега, и тени их, начинаясь с середины реки, подымались по глинистым размывам противоположной стороны и, протянувшись по зеленому, поемному лугу, тщательно выкошенному, терялись где-то там, у начала первой полосы ржи.

— Шура, не хотите ли прокататься на челне, — спросила несколько погодя Алочка.

— О, с громадным удовольствием!— ответил Гоц. Он искренно обрадовался, потому, что считал челн самым подходящим местом для об'яснения.- А у вас разве есть челн?

— А вон он там, на берегу,—указала Алочка в сторону бабы на плоту.— Пойдемте.

Они спустились по узенькой тропинке.

Голоногая баба, признав в Гоце гостя, и обратив внимание на его прекрасные желтые туфли, выпрямилась, держа в мокрой покрасневшей руке белье, с которого струйкою стекала на плот вода, потом вытерлась носом о рукав возле плеча и улыбаясь во весь рот спросила:

— Кататься поедете?

— Кататься, родная,—ответила Алочка в тон ей, между тем, как Гоц возился

с челноком, который оказался стоящим наполовину в реке и полным воды.

— Хороший вечер-то ноне,—заметила баба.—А это кто же такое будет? А?—„шопотом“ спросила она, показывая пальцем прямо в лицо Алочкиного кавалера.

— А что, красивый? — тоже „шопотом“ спросила Алочка, едва удерживаясь от хохота.

— Да-а, хорош... — протянула баба, поглядев боком на Гоца (главным образом на его туфли) и громко засмеялась. Гоц совсем сконфузился.

— Алочка, видите — челнок полон воды... Нужно бы попробовать выкачать... Нет ли у вас черпака? — забормотал он, потупляясь и краснея.

— Нет, черпака нету. Вот возьмите весло. Попробуйте им.

Гоц взял весло, но не знал, как приняться за дело. Он очень боялся замочить свои желтые туфли. Наконец, догадавшись, пробравшись кое-как по бортам лодки, уперся ногами в уключины и мало-по-малу, с грехом пополам, вылескал воду, думая в то же время, что у него, вероятно, сейчас пренеприятный вид, если смотреть с берега. Челн, освобожденный от тяжести, приподнялся над водою, и стал медленно сползать в нее. Гоц положил весло поперек лодки, подошел, балансируя, к носу и протянул руку Алочке, чтобы помочь ей взобраться. Она уже занесла одну ногу за борт и собиралась прыгать, как вдруг сверху раздался звонкий, почти пронзительный голос:

— Стойте! Подождите, руки вверх! Я тоже с вами! — и бойкий мальчишка лет одиннадцати, маленького роста, босой и без шапки, в черных брюках, продранных на одном колене, и белой с красной обшивкой гимнастерке,—в несколько прыжков очутился внизу. Он запыхался от бега, и из носа его готова была скатиться какая-то капля весьма подозрительного вида. Голова, руки голые до плеча, и ноги — все было черно от загара. Это был самый младший брат Алочки, гимназистик 2-го класса, неисправимый шалун и забияка, которого не могли поставить на „истинный путь“ никакие и ничьи увещания.

— Вы куда поедете? к мельнице? да? — быстро заговорил он, обращаясь к гостю и стараясь держаться с ним по возможности на равной ноге, — Шура, знаете что? Поедемте лучше вниз, в Глушино. Я вам покажу там в одном месте золотые приски. Что, не верите? Ей-Богу? Я недавно с Борисом туда ездил и нашел камень, — весь черный, а в середине золото, все крапинки... Право. Поедемте! Вы знаете, между прочим, я собираюсь ехать золотоискателем, в Аляску, на Юкон. И уже имя себе придумал. Знаете какое? Отгадайте.—„Клюв Дракона!“ Так садитесь же!—и он, прыгнув в челн и взяв весло, стал отталкиваться им от берега.

— Гурька, Гурька! Что ты делаешь?—закричала Алочка, оставшаяся на берегу, — кто тебя просит ехать? Вернись сейчас!

Гурька засмеялся, раскачивая лодку.

— Взять ее, а? Как вы думаете,—спросил он. Мне кажется, что мы с вами вдвоем гораздо интереснее провели бы

Дантон.

Ск. Н. Андреева.

время и покатались. Бабы всегда, знаете, мешают. Я, Шура, принципиально против женщин. Что такое женщины?—бабы!

— Гм.. — сказал Шура, — я, видишь ли, думаю, что лучше ее взять.

— Ну, если вам хочется — снисходительно согласился Гурька и причалил лодку к берегу.

Алочка была разгневана, как Юнона. Едва челн коснулся песку, она закричала:

— Что за безобразие, Гурька. Ты совершенно не умеешь себя вести. Ходишь каким-то оборванцем! посмотри на себя, посмотри на свое колено. Как тебе не стыдно? И вечно суешь свой нос куда не нужно. Какое тебе дело, куда мы едем? Едем — вот и все тут. А тебе никакого дела нет. Уходи прочь сейчас же! Успеешь еще завтра накататься... Ну, вылезай! Что это такое в самом деле?

Гурька, однако, не слушался. Поставив весло стоймя на дно лодки, он стоял в ней и раскачивал ее, а сам смеялся так, что рот его растянулся до ушей, глаза превратились в блестящие щелочки, а нос сделался совсем маленьким и стал похож на пуговицу.

— Слушай, Гурька: если ты сейчас не уйдешь, я пойду к папе и расскажу ему, как ты сегодня с Митрошкой курил в малиннике. Слышишь? Сию же минуту пойду.

Этот неожиданно выдвинутый аргумент буквально огорошил Гурьку. Лицо его вытянулось. Он подумал, что при таких переменившихся обстоятельствах упорствовать было бы нежелательно, помолчал с пол-минуты и выпрыгнул на берег. Алочка вскочила в лодку. Гоц хотел уж отталкиваться от берега, но... весло оказалось у Гурьки.

— Гурька, дай весло.

— Ага! как бы не так! Вы меня не хотите брать, — я вам весло дам? Нет! Ищите себе другое.

— Господи, что это за мальчишка! Я сию же минуту иду к папе и все расскажу. Давай лучше!

Гурька поколебался.

— А если дам, не скажешь,—спросил он.

— Нет, тогда не скажу. Кури себе хоть весь день,—мне дела нет.

— Честное слово, не скажешь?

— Честное слово.

— Ей-Богу?

— Фу, ты, Господи...

— Нет, ты скажи: ей-Богу?

— Ну „ей-Богу“.

— Гуря, дай же весло,—дружески попросил Гоц.

— Хм... А вы долго будете ездить?

— Да нет же, вот доедем до мельницы и сейчас обратно.

— Да-а... — недоверчиво протянул Гурька,—поедете, а потом ищи вас. Нет, не дам! — решительно об'явил он. — А, кроме того, вам вообще воспрещается кататься.

— Почему это? Это еще что за новости?

— А вы там целоваться будете,—невозмутимо заявил Гурька. Гоц покраснел. На щеках Алочки тоже заиграл румянец.

— Что? Ах, ты, малыш! Да как ты смеешь... Ты разве понимаешь, что такое целоваться?

Красноармеец.

Рис. А. Дрекслера.

— Хм! А ты думаешь—нет?

— Г-гы! засмеялась баба, которая разинув рот, с интересом слушала их препирательства. Ишь шустрой мальчеёнок.. Ён не здаст!

Гурьке польстила эта похвала. Впрочем, он и сам сконфузился своих слов и потому, вытерев нос ладонью, примирительно заметил:

— Вы можете на плоту поехать. А мне дайте челн. Я буду вас конвоировать. Знаете, как военный флот конвоирует транспорты с товаром.

Совершенно не к чему! Можешь сам на плоту ехать и сам себя конвоировать. Ну, давай весло.

Гурька ничего не ответил, только засмеялся.

Алочка не знала, что и сказать от негодования.

— Послушай, Гуря,—заговорил Гоц,—мы ведь с тобой товарищи, а ты не хочешь мне такого пустяка сделать. Как не стыдно! Я бы на твоем месте всегда дал. Плохой же ты товарищ...

Гурьку видно задело за живое. Он в некотором замешательстве стал рассматривать свое весло.

— Поедемте вдвоем, без Альки,—предложил он.

— Нет, я хочу с ней.

— Ну, поедем с ней, только и я тоже. Я буду грести. Хорошо?

— А она не хочет тебя брать. Видишь ли какая штука?— Гоц помолчал. — Ну, давай же весло, Гуря, а то мы поссоримся.

Гурька решил, наконец, быть великодушным. Он фыркнул, потом спрыгнул вниз и гордо, не глядя на сестру, подал Гоцу весло совершенно так, как победитель возвращает побежденному его шпагу.

— Только через десять минут чтобы вы пристали к моей гавани,—вот в этом месте,—пояснил он.—А то увидите, что будет.

— Ладно, ладно — сказал Гоц, отталкиваясь от берега и поворачивая челн против течения.

Гурька вскарабкался наверх и оттуда следил за ними.

— Смотрите же, далеко не уезжать!

— Хорошо, не уедем.

Гоц уселся на корме поудобнее и стал грести узким веслом. Алочка села лицом к нему на скамейке, ближе к носу. Челн шел быстро и бесшумно,—он был очень легок на ходу,—и только сзади оставлял на поверхности воды две небольших бороздки, которые, закручиваясь маленькими вороночками, расходились чем дальше, тем все шире и, наконец, дойдя до берега, замирали под листьями кувшинок.

Через три минуты челн уже далеко отъехал от деревни. Река была совсем тихая, как зеркало, и крутые берега отражались в ней со всеми подробностями. Правый — высокий, обрывистый, был в тени, но трава, росшая наверху его, насквозь была пронизана золотыми солнечными лучами и казалась такой светлой, совсем изумрудной. Глинянные уступы левого берега, тоже увенчанные травой, были сплошь залиты солнцем.

Впереди, где речка сворачивала направо, и левый берег описывал красивую дугу,—над высокими (саженей четыре) красноглиняным обрывом стояла группа молоденьких березок. Их стволы, казавшиеся розовыми на солнце и нежная зелень, все точно взятое с теплых пейзажей Руссо, так чудно гармонировало с вечерним небом и так правильно, без малейших искажений рисовалось в темных водах реки,—что Гоц на мгновение совсем позабыл о своей Алочке и до того увлекся, что не мог оторвать взоров от очаровательной декорации, развернутой природою перед ним. Он не лишен был художественной жилки.

— Как хорошо!..

— Да, очень хорошо,—просто сказала Алочка.—Только, знаете, Шура, я вам откровенно скажу: я не люблю, когда люди смотрят на природу и охают, ахают от восторга. Так противно слушать... Гораздо лучше восторгаться молча, про себя. Правда?

— Да, совершенно верно... Но все-таки здесь очень хорошо. Прямо, рай!

Он хотел добавить: „и вы так похожи на ангела“, но не решился.

Алочка молчала, устремив взор куда-то вдаль и, правда, была очень хороша в эту минуту, освященная мягкими, теплорозовыми лучами заходящего солнца.

— Шура,—заговорила она после нескольких минут молчания,—вы читали „Часы“ Ремизова?

— Да... то есть... нет, кажется.. Не помню.

— Ладно, не конфузьтесь, прочтете после. Это не суть важно. А видите в чем дело: мне сейчас пришла в головутакая мысль, что все эти ужасы, вся мутная, гадкая рязь, которая заполняет жизнь героев этой повести—родилась обязательно... где-нибудь на Обводном канале, или в Лиговке, или что-нибудь в этом роде, словом—в Петрограде, в большом городе. Правда? Подождите, не смейтесь. Это ведь так и есть: разве можно жить такою жизнью здесь, где поля волнуются, и пахнет теплой, разрытой землей? Смотрите, как хорошо!Вам хорошо? Да? Скажите...

— Очень хорошо... Я даже не знаю, как выразить...

Она пристально смотрела в воду, как будто что-то видела там внутренним взором.

— Странно, Шура... Или мы с вами еще чересчур молоды, и все нам кажется в розовом свете (это законная привилегия молодости) или—город, душный, раскаленный, город, описанный у Ремизова, в самом деле высасывает из людей соки—их силы, их родную, полевую свежесть и веселье, с которыми они приходят к нему отсюда... Впрочем, мне кажется, первое—вернее. В наши годы мы где угодно: и в полях, и в пыли, и в копоти, были бы счастливы. Правда? Как вы думаете?

— Да, Алочка. Юность—лучший цветок жизни, сказал кто-то. Нет большего счастья, как чувствовать себя молодым, полным сил и стремлений. Для нас сейчас все: красота, смех, веселье, любовь...

Он перестал грести и посмотрел на нее долгим, затуманенным взглядом. Алочка молча опустила глаза.

— Да, любовь...—тихо повторила она.

Челн шел совсем медленно. Он уже не рассекал воды, как прежде, а только бережно раздвигал ее, и она смыкалась за ним тихо, не пенясь. Проплыла мимо белоствольная семья березок на вершине красного обрыва. Река делала здесь поворот и, расширяясь, образовывала под самым берегом, в заливе, глубокий омут, зеркально-тихий и темный. А впереди выдвинулся маленький островок, весь зеленый и свежий, сплошь покрытый серебристо-матовым ивняком, свешивавшимся над водой и высокою, сочною травою, в которую местами вплетены были светлые незабудки... Гоц все время смотрел на задумавшуюся девушку, и глаза его были влажны и полны ожидания. Она вдруг подняла длинные ресницы, робко встретила его взгляд и тотчас же снова потупилась.

— Алочка...—шепнул Гоц изменившимся голосом и вдруг порывисто поднялся, чтобы подойти к ней. Челн закачался и от боков его поплыли широкие круги.

— Алочка... Я... Быть-может это дико, но я... Боже мой...

— Э-хе-е!.. Гум-ггум! Хм! Милостивые государи и милостивые государыни! честь имею высочайше об'явить вам, что десять мунут уже прошло. Именем закона—вылезайте.

Гоц вздрогнул как ужаленный, и откинулся назад. Алочка тоже испуганно задрожала от неожиданности, однако, сразу поняла в чем дело и взглянула на берег. Наверху, на на краю высокого обрыва, стоял на фоне желтого неба Гурька, и подперев руки в боки, с наслаждением созерцал произведенный эффект.

— Гурька, иди домой сейчас же...— сказала Алочка, но голос ее звучал как-то смущенно, неуверенно, вообще,—непривычно и казался чужим.

— Вот повое дело!... „Домой“! Сами обещали приехать через десять минут, а сами теперь „домой“? Кха! Как бы не так. Давайте челн... Шура, причаливайте, я вас довезу до гавани. Так уж и быть уж...

Однако Гоц не расположен был сейчас ни к каким мирным переговорам. Его душила бесконечная злоба на этого маленького человечка, благодаря которому ухуло так хорошо начатое об'яснение. Он раздраженно взял весло, опустил его в воду и с силой подвинул челнок на середину реки. Снова запенилась вдоль бортов вода. Тихие отражения их и незабудок островка заколебались в поднятой толчее и перепутались.

— Шура! Алька! Что такое? Давайте челн сию же минуту!

Но они не отвечали. Челн быстро удалялся. Гурька бросился бежать за ним по берегу и, поровнявшись, закричал на бегу:

— Все равно я вам не дам кататься. Вылезайте. А то хуже будет...

— Убирайся вон, Гурька,—отозвалась с челна Алочка.

— А! Ну ладно...

Гурька остановился, поискал глазами вокруг себя, потом нагнулся и, подняв кусок твердой, сухой глины, запустил его в путешественников. Обломок не долетел до челна и бултыхнул в воду саженях до него. За первым „снарядом“ последовал сейчас же и второй. Этот оказался немного удачнее: он щелкнул в смоленый борт челна и рассыпался.

оставив желтый бугорочек. На неприятельском судне произошло явное замешательство. Алочка была взбешена, Гоц—тоже недалек от того же самого, но средств борьбы никаких не было. Гурька пробежал еще немного вперед, выбрал кусочек глины поменьше и „поприцельнее“ и, нацелившись, попал Алочке прямо в плечо. Его решительно стала занимать эта процедура, потому что он воображал себя тяжелой береговой батареей, препятствующей высадке неприятельского десанта, и почти совсем забыл, что ему, собственно, и нужно добиться этой высадки, чтобы завладеть судном. Фантазия его разгорелась, и он вполне вошел в свою новую роль

Вскоре положение на лодке стало критическим. Негодный мальчишка буквально засыпал ее кусочками глины. Они так и бухали кругом со всех сторон.

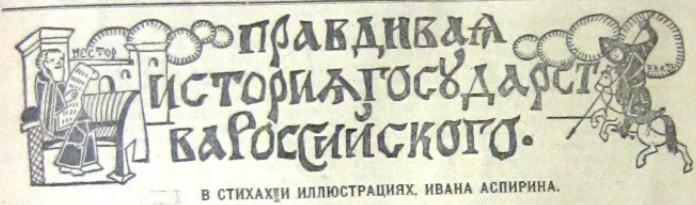
— Гурька! Хулиган!! Это чорт знает что! Я тебя за уши отдеру!... Оставь нас в покое!. Слышишь? Гур рька!!

— Подождите, я сейчас открою ураганный огонь с третьего форта... сорокадюймовыми... и сделаю дымовую завесу. Вот смотрите...

Гоц пришел в отчаянье и, недожидаясь „ураганного огня“ и „дымовой завесы“,—вещей, обещающих мало хорошего, решил прекратить прогулку. Он круто повернул к противоположному берегу и причалил. Алочка выпрыгнула, схватившись рукою за ветки боярышника, и он последовал за нею, поддерживая ее за локоть. Отступление было так поспешно, что его желтые туфли не уберегись таки и попали в жидкую грязь; но думать о них было уж некогда. Когда он взобрался с Алочкой наверх, в лицо им глянуло не зашедшее еще солнце. Поля были тихи и пустынны, и вдалеке за ними синела темная линия соснового бора.

А Гурька, восхищенный тем, что „экипаж бежал на берег“ побужденный к тому действиями нашей артиллерии“ (совсем как в военных сообщениях!) быстро разделся, бухнулся в теплую воду и поплыл к челну, который недоуменвающе приткнувшись к берегу, стоял в тени кустов боярышника.

Анатолий Глебов.



В СТИХАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ИВАНА АСПИРИНА.

(*Продолжение*).

VII.

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось;
По указаниям науки
Я раз'ясню вам сей вопрос.
Не отступлю от перевода,
И станет ясно всем тогда
В наречьи финского народа
Москва есть—„мутная вода“.
Для уловленья всякой рыбки
Пригодна, стало быть, Москва,
Имея разум крайне гибкий
Припомня финские слова;
Решил: я буду рыболовом
Иван Данилыч Калита;
Соединю Россию снова,—
Сия задача не проста!
И Он, как Гоголевский Плюшкин,
Сбирал везде, где только мог
Бумажки, тряпки и катушки,
И дома прятал под замок
Винты, изломанные клетки
Обрывки „Русских Ведомостей“,
И как-то нем писали предки
Он был в почете у властей.
Для сборов всюду ханской дани
Хан выдал Калите мандат.
И для поддержки всем заданьи
Прислал ему своих солдат.
И дело тотчас закипело:
Брал Калита с купца—товар,
У князя отбирал уделы,
Алтыны, гривны—у бояр.
Набрав изрядную толику,
Пол-сбора клал себе в карман
И с постной миною на лике
Он говорил: „Великий хан!
Славяне сильно обеднели;
По всей стране хожу, кожу,
Концы с концами еле-еле
В юдоли горькой сей свожу“.
От сих коварнейших денний
Скудела ханская казна,
Зато у Каляте в кармане
Имелась толстая мошна.
Каков бы не был князь, но все же
Ему сказала смерть „ce tout!“;
Помилуй, милостивый Боже,
Раба Ивана Калиту!
Меж тем в орде пошли раздоры:
Свергал с престола хана хан;
Убийства, крики, драки споры
Повсюду шли у басурман.
Об этих беспорядках зная
—„Татарин—некрещенный пес,—
Сказал Димитрий про Мамая
И хану дани не понес.
Мамай разгневался ужасно
Вскричал: „С лица земли сотру!“
Не тратя время по-напрасну
Он с войском двинулся к утру.
Димитрий жарил в хвост и в гриву;
Стал полон Магометов рай,
Мамай отделался счастливо
И *раненый* бежал в Сарай.
Имел изрядное значенье
Сей битвы яростной исход:
Всем стало ясно, что уменье
В бою изрядный плюс дает;
Не страшен стал татарин боле;
И вот, примерно, через век
Пришел конец сней неволе
Стал „вольный“ русский человек.
Иван Васильич, князь московский,
Татарам под нос сунул шиш:
Вам дани?! Нет!! Я не таковский
Попили кровушки! Шалишь!
Ахмат попробовал сердиться,
Татар собрал со всей земли:
—„Московский князь!! Какая птица!
Не избежать ему петли!“
Однако ничего не вышло
Татарскую побили рать.
Ахмат промолвил: „В рот те дышло“.
И стал тихонько умирать.
Иван не тратил время даром,
Украсил надписью забор:
—„Шарманкам „нищим и татарам
Вход воспрещен на этот двор.“
Победу „спрыснув“ крепкой брагой
Иван уведомил народ
Оффициальною бумагой,
Что самодержец он; и вот
Построил пышные хоромы,
Завел придворные чины,
Для пышности слуге иному
Давал двуцветные штаны.
Зане удвоились расходы:
Из Цареградские земли
Был вызван Фразин в эти годы
Чеканить новые рубли;
Иван Дебосин, грек, пройдоха
Отлил Царь-Пушку... но скандал:
Сия стреляла очень плохо
И грек постыдно убежал.
С большим стараньем и всюду
Крамолу вырывал Иван:
„Я самодержцем был и буду“
На с'езде заявил, дворян.
И только Новгород мозолил
„Светлейшие„ глаза царя,
Он даже корчился от боли
О вольном граде говоря;
—„Притон ужасный большевизма!
Разбой—свобода; вече—сброд!
Настало время катаклизма
И антихрист уже идет!
Сей град нам нужно уничтожить
Не медля часу“—и Иван
Нещадно вылезал из кожи,
Чтоб натравить своих дворян.
И, наконец, собравши рати
Пошел на Новгород войной;
Увы! погиб в сей час проклятый
Свободы первой град земной!!
Преемник Иоанна снова
Нов'града участь повторил;
И сделал тоже он со Псковым
Что „вече“ с Нов градом натворил,
Стрелял, казнил, десятых вешал;
Стал скучен и пустынен град,
Как будто в Пскове княжил леший
Или простой дегенерат.

(Продолжение следует).

И. Аспирин.

Из „Альбома театрала“.

I.

„Маскарад в Фонтенебло“.

В „Фонтенебло Маскарад“
Посмотреть пришло желанье,
Но я был весьма не рад
После пьесы окончанья.
С юным автором у нас
Разошлися интересы:
„Маскарад“ я зрел сейчас,
Но не видел только... пьесы.

Мистер Цыц.

ХРОНИКА.

Жизнь железнодорожной молодежи.

Профессиональное образование железнодорожников.

Открытие среднего электротехнического училища слабых токов.

Означенное училище предполагается открыть в январе 1919 г. Прием прошений железнодорожников для поступления в училище открыт и производится в Совете училища (Москва, Александровская площ., 30, кв. 16). Для поступления требуется от кандидатов образование не ниже курса высшего начального училища и возраст не моложе 16 лет. Окончивший курс среднего электротехнического училища получает звание электротехника П. С., а через три года практики—звание инженера-практика.

К подготовке телеграфистов.

15-го декабря Самаро-Златоустовской ж. дорогой возбуждено перед Московскам Округом П. С. ходатайство о разрешении открыть школу для подготовки опытных телеграфистов как для С.-Зл. ж. д., так и для других. Помещение для этой школы на дороге имеется.

Инструкторские курсы.

На-днях состоится открытие инструкторских курсов Моск. железнодорожного узла. Курсы рассчитаны на 450 слушателей.

Цель курсов—подготовка инструкторов для резервных полков из железнодорожных рабочих.

Смета на народное образование.

На Культурно-Просветительную деятельность для Московско-Казанской ж. дороги дорожный отдел Народного Образования испрашивает на первую половину 1919 г. 10851385 рублей. Требующиеся кредиты распределяются таким образом: 1) На Управление Дорожного Отдела Народного Образования 453.770 руб.; 2) На Районные отделы Народного Образования 225.952 руб. 3) На дошкольное, школьное и внешкольное образование 9.901.844 руб.; 4) На содержание среднего технического училища в Москве—269.819 рублей. Испрашиваемые кредиты превышают отпущенные на второе полугодие 1918 г. на 9.276.218 рублей.

Трудовая школа железнодорожников.

Комитетом Просвещения С. Р. Д. Моск.-Курской и Окружной жел. дороги на этих днях открыта Трудовая школа в поселке Люблино, в реквизированном дворце-даче купца Голофтеева.

В школе будет обучаться около 100 человек детей железнодорожников в возрасте до 13 лет.

При школе—столярная мастерская, кузнечно-слесарная, мастерская изящных ремесл и т. п. Большое внимание обращено на преподавание искусств и естествознания. Есть специальная мастерская искусств и биологическая лаборатория. Предполагается организовать еще целый ряд лабораторий.

При школе организована секция работ со взрослыми—Рабочий Университет, где уже началось чтение лекций по литературе.

Трудовая школа-университет обслуживает громадный район железнодорожных рабочих.

Курсы для железнодорожных телеграфи. агентов.

В целях расширения научного кругозора рядовых железнодорожных агентов Электротехническим Отделом Н. К. П. С. предполагается в течение декабря и января организовать в Москве ряд систематических лекций по теории и практике электротехники.

Пока намечены следующие предметы: 1) быстродействующие аппараты (Вадо и Уитстон, Сименс и Муррей), 2) электрические измерения телеграфных проводов, 3) телефоны с избирательным вызовом и их применение на железных дорогах, 4) телефонные сети с центральной батареей, 5) телефонирование на дальние расстояния, особенно по железным проводам, 6) электрическая централизация стрелок и сигналов, 7) автоматическая блокировка, 8) беспроводный телеграф-тел фон, 9) снабжение током больших телеграфных станций, 10) современное положение электрического освещения, 11) электрификация железных дорог.

Кроме лекций, которые будут читаться в одном из технических училищ гор. Москвы, для слушателей будут организованы экскурсии на центральные телефонную и телеграфную станции: Ходынскую Радиостанцию, электро техническую Московскую станцию, Люблинскую железнодорожную станцию и в другие учреждения, применяющие в своей работе электричество.

Железнодорожная академия в Воронеже.

При Воронежском Округе Путей Сообщения по инициативе т. Заводского для рабочих и служащих на дорогах Округа организуются курсы, которые будут состоять из отделений: дорожного, тяги, электротехнического, эксплоатационного и административного. Каждое отделение предполагается разбить на 3 ступени таким образом, чтобы лицо, прослушавшее курс одной ступени, могло быть подготовлено на занятие определенной должности. По дорожному отделению: 1 ступень дает звание старшего рабочеге, 2—дорожного мастера и 3—старшего дорожного мастера и помощника заведывающего дистанцией. По отделению тяги: 1 ступень—звание помощника машиниста и соответствующих работников в мастерских, 2—паравозных машинистов и 3—машинистов наставников, помощ. заведывающих депо и участков. По электротехническому отделению: 1 ступень будет готовить опытных ремонтных рабочих телеграфа, 2—надсмотрщиков телеграфа и 3—механиков телеграфа. Эксплоатационное отделение предположено создать высшего типа, которое подготовляло бы опытных вагонораспределителей и ревизоров движения. Для не имеющих нужной подготовки, чтобы поступить на то или иное отделение курсов, будет открыт подготовительный курс элементарного образования.

Подготовка агентов электро-технических служб.

В целях поднятия уровня специальной подготовки агентов электро-технических служб на железных дорогах и постановки дела образования их на должную высоту Комиссариатом Путей Сообщения признано необходимым: 1) организовать немедленно среднее ж.-дорожное электротехническое училище по специальности слабых токов и обеспечения безопасности; 2) организовать среднее ж.-дорожное электротехническое училище по специальности сильных токов; 3) организовать с осени будущего года железнодорожный электротехнический факультет при московском институте инженеров путей сообщения.

— За первые 9 месяцев 1918 года в Советской Республике изготовлено 174 пассажирских вагонов, 578 товарных и 362 специальных. Дальнейшее паровозо и вагоностроение приостановлено,—все силы направлены на ремонт огромного количества больных паровозов и вагонов.

Об иконостасах на вокзалах.

В связи с декретом об отделении церкви от государства ж.-д. организации с вокзалов, из мастерских и др. помещений жел. дорог устраняют все религиозные изображения и церковные принадлежности.

Народное просвещение.

Ни при одном из правительств не было обращено столько внимания на народное образование, как при Советском.

Согласно неполным сведениям, имеющимся в Комиссариате Просвещения на основании смет различных учебных заведений, в 1918 г. в 17-ти губерниях Советской Республики открыто 7.340 низших и 460 высших школ,—в три раза больше, чем при царском правительстве.

Литературный поезд имени Ленина.

13 декабря, на ст. Москва М.-Курской ж. д. был принят законченый накануне постройкой „Литературный поезд имени товар. Ленина".

Спрос на литературу.

На выставке пролетарской диктатуры организованной контрагентством Ц. И. К. в связи с годовщиной октябрьской революции, показана диаграмма спроса на литературу в провинции.

В августе месяце провинция требовала литературы на 2,022,000 руб., удовлетворено же было всего лишь на 532.000 руб.; в сентябре заказано на 7,433,600 руб., исполнено на 458,454 руб. и в октябре заказано на 6,590,000 руб., исполнено на 872, 000 р.

По количеству спроса на литературу провинция идет в следующем порядке: Нижегородская губ. (425,000 руб.), затем Курская, Вятская, Саратовская, Костромская, Вологодская, Орловская, Воронежская, Тамбовская, Пермская, Симбирская, Московская, Пензенская, Рязанская, Калужская, Владимирская, Тверская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Тульская, Ярославская и Могилевская губернии.

— Бывший электро-технический институт императора Александра III переименовывается в „Институт имени т. Ленина".

— **Курсы литейного дела.** Комиссия по организации Моск. Горн. Академии организовала курсы для желающих изучать литейное дело. Курсы открылись 15 декабря. Полный курс преподавания 6 мес., сокращенный—3 месяца.

Гор. Покров, Владимирской губ.

В этом году у наших, апатичных до сих пор, учащихся появились новые интересы, стали зарождаться новые стремления. Создался Центральный Комитет, различные кружки и секции как-то: драматический кружок, музыкальный, художественный, литературная секция и т. д. Работа последней, под руководством учителя А. Т. Лукачевского, приняла очень оживленный характер. Каждое воскресенье происходят чтения, собеседования, рефераты. На одном из рефератов на тему „В чем счастье?", между прочим, оппонентами было высказано, что счастье возможно только после уничтожения главнейших факторов человеческих несчастий, а именно: права собственности, религии и семьи.

В одно из ближайших воскресений состоится чтение и разбор „Саввы" Л. Андреева. Пока намечаются следующие вопросы:

1) Принесет ли теперь раскрепощение народу уничтожение церкви, как одного из видов классового угнетения?

2) Как Савва относился к террофистам?

3) Как Савва отнесся бы к Советской власти?

4) Нет ли в словах Саввы сходства со взглядами Руссо?

5) Можно ли назвать Савву анархистом-индивидуалистом?

6) Может ли путь, начертанный Саввой, возродить мир?

Этим одним работа литературной секции не ограничивается. Издается журнал „Юность" и проектируется создание культурно-просветительного кружка для организации и об'единения кружков молодежи в деревнях.

В Школьный Совет прошло четыре представителя от учащихся, из которых двое были выбраны в президиум, один—в качестве товарища председателя, а другой—секретаря.

В политическом отношении учащиеся еще не вполне себя выявили. Во всяком случае по инициативе учащихся был организован Союз Молодежи III-го Интернационала и в настоящее время появляются попытки создать союз анархистов.

Хочется верить, что провинциальная молодежь будет не последней в рядах борцов за всемирное царство человека.

Герасим Фомин.

Новая отрасль знания.

В педагогических институтах, создаваемых Комиссариатом Просвещения, будет преподаваться история труда. Этот новый предмет не входил до сих пор ни в одну учебную программу.

Боевая дружина учащихся.

Двинск, 22-XII. Из учащихся города Двинска организовалась Красная боевая дружина, имени Луначарского.

(РОСТА).

Фонд Журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи".

Поступило от группы рабочих Брянского арсенала 40 руб., от Н. Некрасова—5 руб., от А. Г.—20 к., от А. Е. Е.—1 руб., от П. С.—3 руб., от Евг. Г.—1 руб. Итого с прежде поступившими 228 руб. 20 к.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ", Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.

2-ой год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1919 год

2 ой год издания.

НА ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ БОЛЬШОГО ФОРМАТА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

„ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ“,

освещающий жизнь и творчество молодого поколения (от 16—30 лет) и издающийся при самом живом и тесном, сотрудничестве всей молодежи всех уголков России.

ЦЕЛИ ЖУРНАЛА: полное раскрепощение духа молодежи в России и воспитание ее в духе анархизма, развитие свободного волевого самосознания ☆ как фундамент бесконечных творческих достижений ☆ отражение всех сторон жизни и творчества молодежи ☆ и ее участия в строительстве общественной жизни.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Общественная жизнь и молодежь. 2 Жизнь молодежи: рабочей, крестьянской, красноармейской, учащейся в высшей школе и школе 2 ступени и служащей в с ветских и других учреждениях. 3. Эсперанто. 4. Беллетристика. 5. Живопись. 6. Скульптура 7. Архитектура. 8. Театр. 9 Музыка 10. Наука. 3 Философия. 12. Библиография и критика. 13. Спорт. 14 Хроника. 15. Юмор. 16. Смесь и задачи. 17. Почта. 18. Наша портретная галлерея. 19. Панорама России и других стран. 20. Объявления.

Собственные корреспонденты во всех концах России и заграницей, благодаря существованию эсперантских организаций молодежи как в России так и за границей.

ОТКРЫТЫ ОТДЕЛЕНИЯ и АГЕНТСТВА: на Украине, в Нижнем-Новгороде, Липецке, Туле, Твери, Саратове, Коврове, Лихвине, Вязьме, Рославле, Иваново Вознесенске, Растяпине, Курске, Калуге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с доставкой и пересылкой во все концы России:

на год—100 руб.	на 6 мес.—55 руб.	на 3 мес.—30 руб.	1 мес.—10 руб.

Полный комплект журнала за июль—декабрь 1918 г. включительно высылается отдельно за 40 р. Пробный номер высылается за 2 р. 50 к. марками. При выписывании 10—20 экз. и более—скидка 10%, при выписывании 50 экз.—20%, выписывании 100 экз. скидка 30%. ПОДПИСКА ЗА-ГРАНИЦУ—ВДВОЕ.

Подписка принимается въ Главной конторе и во всех отделениях и агентствах Главной конторы.

Главная Контора и Экспедиция:
Москва, 1-я Мещанская, № 50, кв. № 12.

ОТДЕЛЕНИЯ:
Украинское—Харьков Дворянская, д. № 7, комната № 5.
Нижегородское—Нижний Новгород, Похвалинская, 32, кв. 7.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ МОЛОДЕЖИ.

Редактор: **Н. В. Марков.**

Типография „Русская Печатня“, Большая Садовая улица, д. № 14. Телефон № 2-06-35.